

Екатерина Кожина

Приют
бракованных

Екатерина Кожина

Приют бракованных магов

«Автор»

2026

Кожина Е.

Приют бракованных магов / Е. Кожина — «Автор», 2026

Даже в прекрасном море магии есть тот, кто не вписывается в общие стандарты. И что бы не портить картину общего благополучия, юных магов закрыли в приюте строгого режима.

© Кожина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Екатерина Кожина

Приют бракованных магов

Глава 1

В королевстве Элементия законы магии были консервативными. Огонь грел, Вода поила, Земля кормила, Воздух давал дыхание. Все, что не вписывалось в четыре стихии пугало общество. Семьи, где рождались «нестандартные» дети передавали в небольшой приют у Мрачного леса.

Официально это было строгое государственное учреждение, где детей учили подавлять свои необычные таланты. Но за закрытыми дверями скрывался другой мир.

— Коля, ты опять искришь, — сказала Марья Ивановна, кухарка и по совместительству «старший надзиратель быта». Она выкладывала на блюдо булочки с корицей.

Из ладоней двенадцатилетнего Коли сыпались фиолетовые искорки — магия статического электричества. Мальчик выглядел растерянным.

— Марья Ивановна, я случайно. Просто Мишка потерял контроль над своими мыслями, и его носок... ну... ожил. И теперь прыгает по коридору.

В кухню вошел Эдуард Альбертович, директор приюта. Мужчина с тихим голосом и добрыми глазами. За ним шел заплаканный семилетний Миша.

— Мы уже разобрались, — произнес директор. — Миша не хотел плохого. Он устал зашивать вещи и подумал как было бы здорово, если бы носок сделал все сам. Это магия намерения, редкий и тонкий дар. Правда, Миша?

Мальчик кивнул.

— Понимаешь, малыш, — Эдуард Альбертович приобнял его. — Любая магия требует ответственности. Если ты вкладываешь частичку своей воли в вещь, ты должен оставаться ее проводником. Иначе она начинает жить своей жизнью. Ты просто учишься. А теперь иди, съешь булочку.

В дверь кухни постучала нянечка Аня. Лицо ее было бледным.

— Эдуард Альбертович, министерский экипаж у ворот. Инспектор Громс приехал раньше.

Директор вздохнул. Его осанка выпрямилась, а лицо приобрело выражение сухой вежливости.

— Ну что же, друзья, — сказал он. — Время сыграть наши роли.

Дети не паниковали. Они знали правила игры. Коля спрятал руки в карманы и опустил голову. Миша поспешил в спальню. Марья Ивановна накрыла булочки полотенцем, выставив на передний план тарелки с положенной по регламенту кашей.

Через минуту вошел инспектор Громс. Это был строгий мужчина, веривший, что спасает этих детей, приучая их к «правильной» жизни через дисциплину.

— Приветствую, Эдуард Альбертович, — Громс кивнул, осматривая скромно обставленный коридор. — Как успехи с обузданием... аномалий?

— Здравствуйте, господин инспектор, — ответил директор официальным тоном. — Мы продвигаемся согласно инструкции. Дисциплина, покой, ограничение эмоциональных всплесков. Дети учатся контролировать себя и не использовать свои особенности.

Они прошли вдоль комнат. В одной из них сидела маленькая Алиса. Девочка обладала даром люминесценции — ее пальцы могли рисовать в воздухе светом. Сейчас она сидела неподвижно, сложив руки на коленях.

— Эта девочка, — Громс нахмурился, глядя на нее. — Ее свечение... удастся подавить?

— Мы работаем над этим методом уединения, — отозвался Эдуард Альбертович, — Алиса понимает, что истинный свет исходит только от солнца и огня.

Громс кивнул:

— Хорошо.

Визит продлился полчаса. Громс проверил отчеты, убедился, что в приюте царит тишина и строгий порядок, и уехал.

Марья Ивановна убрала кашу и достала выпечку. Эдуард Альбертович вернулся в комнату к Алисе.

— Ты умница, Лиса. Прости, что пришлось говорить о тебе в таком тоне.

Девочка улыбнулась и покачала головой:

— Все хорошо, Эдуард Альбертович. Я знаю, что вы защищаете нас. Можно я покажу вам, какой узор я придумала вчера?

— Конечно, покажи, — директор улыбнулся.

Алиса взмахнула рукой, и в полумраке комнаты поплыли золотистые искорки, сплетающиеся в очертания сказочного леса.

Мир снаружи все еще оставался строгим и не готовым принять их уникальность. Но здесь, за стенами приюта, взрослые хранили этот хрупкий свет, надеясь, что однажды королевство станет достаточно мудрым, чтобы принять все цвета магического спектра.

Глава 2

Вечер после проверки выдался тихим. Эдуард Альбертович сидел в своем кабинете. Свет лампы выхватывал из темноты стопки документов — фальшивые отчеты для министерства и настоящие дневники наблюдений за детьми.

В дверь постучали. Вошла Марья Ивановна с чашкой чая.

— Опять архив перебираете, Эдуард Альбертович? — спросила она, ставя чашку на стол.

Директор улыбнулся.

— Вспоминаю, как все начиналось. Помнишь, десять лет назад здесь был охотничий домик? Министерство выделило мне его со словами: «Вот вам изолятор, держите этих детей подальше от приличных людей». Они думали, я буду ломать их волю. А я посмотрел на первого мальчика, помнишь Ваську? Он умел изменять цвет травы под своими ногами. Настоящий изумрудный ковер делал.

— Помню, — Марья Ивановна присела. — Я пришла сюда как повар-надзиратель, думала, тут действительно монстры. А увидела испуганных детей. Тогда-то мы и решили: пусть для столицы мы будем церберами. А для детей — крепостью.

Директор открыл нижний ящик стола, запертый на двойной замок. Там лежала папка без имени. Только с сургучной печатью королевского дома, которую Эдуард Альбертович тщательно замазал чернилами.

Это была самая опасная тайна приюта.

Глава 3

У Марьи Ивановны была тайна, о которой знал только директор. В прошлом она не просто работала в ведомстве надзора — она была шеф-поваром Главного королевского госпиталя. И уволилась оттуда, когда министерство запретило использовать в кулинарии «несанкционированные специи».

Марья Ивановна обладала даром — *магией вкусовых эмоций*. Любой стихийный маг огня мог сварить суп, но только Марья Ивановна могла сделать так, чтобы этот суп возвращал человеку веру в себя, снимал головную боль или заставлял ворчливого инспектора Громса стать чуточку добрее. В министерстве ее дар называли «бытовым шарлатанством» и «попыткой ментального давления через пищу». Марья Ивановна плюнула на столичные оклады, забрала свои любимые сковородки и уехала к Эдуарду Альбертовичу.

— Еда, Эдуард, это не просто калории, — ворчала она, нарезаая лук. — Огонь делает воду горячей, но только душа делает ее бульоном.

В полдень к воротам подошли двое: девушка и мальчик лет шести. Это были Вера и ее брат Пашка. У Пашки проснулась нестандартная магия, сестре веленно было отвести его в приют, но она не смогла оставить его здесь одного и попросилась в помощницы. Ей не отказали.

Первые три дня в приюте Вера жила в состоянии диссонанса. Каждое утро она просыпалась с мыслью: «Ну все, сейчас начнется муштра». Она выходила в коридор, нацепив маску надзирателя.

И заставляла Эдуарда Альбертовича, который сидел в гостиной и играл в крестики-нолики с двенадцатилетним Колей. Коля рисовал крестики прямо в воздухе фиолетовыми искрами, а директор стирал их губкой, попутно объясняя мальчику теорию вероятностей.

— Вера, голубушка, — окликнула ее из кухни Марья Ивановна. — Возьмите половник. И снимите это выражение лица, будто вы собираетесь объявить войну. У нас сегодня блинчики со вкусом «Утренней безмятежности».

— Марья Ивановна, но ведь по регламенту изолятор должен... — растерянно начала Вера.

— Регламент... ох, — кухарка. — Попробуйте блинчик.

Вера откусила кусочек. Тесто растаяло на языке, и девушку накрыла волна спокойствия, все страхи последних месяцев, побег от отца, который хотел сдать Пашку в приют в одиночку, — улетели куда-то.

Детей в приюте на самом деле было больше, чем Вера увидела в первый день. Например, Толик, у которого была магия локального изменения гравитации. Он сидел под яблоней, а вокруг него летали три яблока, чашка с компотом и старый ботинок. Рядом пронеслась Соня, которая умела материализовать звуки в виде твердых разноцветных шариков.

Пашка, брат Веры, тоже освоился. Он рисовал на стене щенка, который оживал и лаял.

За Пашкой наблюдал Леня — старший из воспитанников, высокий подросток с благородной осанкой и грустными глазами.

Леня был главной, самой опасной тайной этого приюта.

Его привезли месяц назад. До двенадцати лет его магия не проявлялась. Все думали, что он обычный ребенок. А потом... потом у него прорезался дар. *Магия кинетики и векторов*. Он мог остановить летящий предмет движением пальца или перевернуть телегу силой мысли.

Его родители — король и королева Элементии — не просто расстроились. Леня помнил, как их лица исказились от ужаса. Королевский дом не мог позволить себе «неправильного» наследника. Уничтожить его официально было нельзя. Леню под видом сироты вывезли и сдали в приют. У короля не было других детей, а значит не было наследника трона, но «чистота стихийного ордена» оказалась важнее собственного первенца.

Леня все помнил. И это ломало его изнутри.

— Эй, Пашка, — позвал Леня, и в его голосе невольно прорезались командные нотки.
— Отойди от стены. Живо.

Пашка от неожиданности выронил карандаш. Леня выставил руку вперед. Прямо над Пашкой с крыши сорвался кусок черепицы.

Бум.

Черепица застыла в воздухе в полуметре от головы Пашки. Воздух вокруг нее дрожал.

— Я же сказал отойти, — уже мягче произнес Леня, потирая виски. Голова немного гудела. — Здесь крыша старая.

Пашка восхищенно округлил глаза:

— Ты... ты остановил ее?

— Это просто физика и направление движения, — буркнул Леня, отворачиваясь. Ему было странно, что его силы здесь кто-то считает полезными.

Идиллия закончилась в четверг, в два часа дня. В ворота приюта влетела карета. Без предупреждения. Инспектор Громс решил устроить внезапную проверку.

— Шухер! — завопил на воротах дядя Боря.

Пашка как раз заканчивал на стене рисунок жирафа, который уже начал отделяться от штукатурки и тянуться к люстре.

— Жирафа назад в двухмерное пространство! — шепотом скомандовал Эдуард Альбертович. — Леня, помоги, прижми его вектором силы!

Леня вскинул руку, и невидимый пресс впечатал бумажную шею зверя обратно в стену.

Двери распахнулись. На пороге стоял инспектор Громс.

— Эдуард Альбертович! — громыхнул Громс. — Проверка режима! Пришел донос, что дети едят сладости и смеются! По закону империи, аномалии должны осознавать свою неполноценность! Где они?

Из столовой вышла Вера. Она так переволновалась за брата, что ее лицо приняло выражение каменно-мрачной ярости, какому позавидовал бы любой палач.

— Воспитанники находятся на процедуре подавления воли, господин инспектор, — зло-вещим шепотом произнесла Вера.

Громс даже сделал шаг назад от неожиданности:

— О... А это кто?

— Мой новый заместитель по карательной педагогике, Вера Вольфовна, — представил ее Эдуард Альбертович.

Громс немного расслабился, но все еще был подозрителен.

— Хорошо. Я хочу проверить пищевой блок. Если я найду хоть грамм сахара...

Они направились на кухню. Директор похолодел. На кухне Марья Ивановна только что приготовила суп с магией «Абсолютного счастья». Если Громс попробует, он поймет, что здесь творится нелегальное колдовство.

Но Марья Ивановна стояла у плиты, спокойная как скала. Она налила суп в миску, но перед тем как подать ее Громсу, незаметно сыпанула форс-мажорного состава. Магия вкуса: *«Бюрократическая тоска и подчинение начальству»*.

Громс взял ложку, зачерпнул суп и отправил в рот. Лицо инспектора вытянулось. Затем его глаза стали стеклянными. На вкус этот суп был как мокрая бумага с легким послевкусием пятичасового совещания у министра.

— Изумительно — прошептал Громс, — Чистый вкус государственного долга и дисциплины. Никакой радости. Эдуард Альбертович, ваша кухня — образец порядка.

Громс доел миску, чувствуя непреодолимое желание вернуться в офис и заполнить стопку отчетов, пожал директору руку и быстрым шагом направился к карете.

Когда карета инспектора унеслась прочь, в приюте выдохнули. Жираф на стене ожил и захрустел подвеской люстры.

Эдуард Альбертович опустился на стул.

— Марья Ивановна! Вы гений. Что это было?

— Экстракт невыспавшегося чиновника на воде, — гордо ответила кухарка. — Верочка, деточка, ну-ка отпустите лицо, Громс уже уехал.

Вера наконец расслабилась, ее суровое лицо сменилось улыбкой:

— Боже мой... Я думала, нас всех сейчас арестуют.

Леня стоял в дверях кухни, прислонившись плечом к косяку. Он смотрел на Марью Ивановну, на директора, на смеющихся детей, и внутри у него впервые за долгое время что-то оттаивало. Здесь его пугающая сила была просто... частью их общего, странного, но теплого дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.